



Светлана Демидова
Клубника со сливками

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164452
Клубника со сливками: Эксмо; М.:; 2007
ISBN 978-5-699-24667-0

Аннотация

Любовь накрыла Римму и Юрия с головой. Поглощенные друг другом, они забыли даже о близких людях. А зря! Их роман категорически не устраивал родственников с обеих сторон. Они приложили все усилия, чтобы парочка рассталась. И это, к сожалению, удалось... История на этом закончилась бы, но совершенно случайно Римма узнала подлинную историю рождения своего возлюбленного. Семейная тайна потрясла ее. Но как сказать об этом Юрию, ведь он должен знать правду!

Светлана Демидова

Клубника со сливками

Римма катастрофически опаздывала на работу. Проклятуший замок опять заело. Она минут десять никак не могла повернуть в скважине ключ и, соответственно, закрыть дверь собственной квартиры. После того как ключ все-таки соизволил провернуться положенные два раза, к десяти минутам, принесенным в жертву замку, приплюсовалось десять, потраченных на ожидание автобуса. Потом к этим двадцати прибавилось еще семь, в течение которых Римма пыталась перейти дорогу, отделяющую ее от родного «Петроспецмонтажа», где она трудилась уже ни много ни мало, а около одиннадцати лет. Светофор на переходе нервно мигал красным глазом, переключаться на зеленый не желал, что было на руку мчавшимся с сумасшедшей скоростью автомобилистам.

Римма не любила опаздывать в принципе, а в День защитника Отечества опоздание было просто преступным. Сразу же по приходе на работу у них в отделе было принято поздравлять мужчин с праздником, а из-за Риммы все затянулось и сбилось с наезженной годами колеи. Нельзя же поздравить всех, а одному мужчине сказать – погодите, Брянцева принесет вам подарок чуть позже. Учítывая, что при распределении между женщинами имевшихся в отделе мужчин Римма вытасила бумажку с фамилией Егоров – это их начальник, можно представить, как в ее отсутствие нервничают сослуживицы. Возможно, нервничают и сослуживцы, которые уже почти полчаса работают непоздравленными, что, безусловно, нехорошо.

Когда распаренная Римма влетела в отдел, раздался такой дружный вздох (или выдох?) облегчения, что ей показалось: вздрогнули даже матово-зеленые листья гераней, стоявших на подоконниках, и, возможно, подмигнул сам президент, следивший за порядком во вверенной ему стране с цветного портрета на стене.

– Ну, дорогие мужчины! Сейчас мы вас наконец поздравим с Днем защитника Отечества! – радостно сообщила им Мариванна Погорельцева, которой давно перевалило за шестьдесят.

Уже сорок лет каждое 23 февраля Мариванна произносила в отделе одну и ту же фразу с маленькими поправками: сначала поздравляла с Днем Красной Армии, потом – с Днем Армии Советской (а заодно и Военно-Морского Флота), а теперь вот – с Днем защитника Отечества. В ее слегка съезжившихся от времени устах эта фраза ничуть не поблекла, звучала всегда ново, жизнерадостно и даже как-то вкусно. От привычных звуков низкого голоса Погорельцевой Римму сразу отпустило напряжение, от которого у нее сводило шею всю дорогу, и она безропотно позволила впахнуть себя составным звеном в цепь женщин, выстроившихся перед рабочими столами. То, что она даже не успела причесаться, ее совершенно не волновало. Перед кем тут причесываться? Они работают вместе уже сто лет и видели друг друга и причесанными, и непричесанными, и даже здорово всклокоченными после головомойки у начальства.

Женщины дарили мужчинам стандартные наборы в виде ежедневников и брелоков, лосьонов до бритья и после, а также коробочек с маленькими отверточками, которые вовремя принесли в «Петроспецмонтаж» современные коробейники. Римма купила Егорову у тех же коробейников электрическую зубную щетку. Логотип фирмы, которая ее произвела, был совершенно незнаком Римме, но щетка оказалась недорогой, весело жужжала и имела веселый бело-красный колер. Начальник, получив вместо традиционного ежедневника электрощетку, с небывало рассеянным видом периодически нажимал на кнопку включения и, вслушиваясь в жужжание нестандартного прибора, с интересом поглядывал на Римму все два часа, пока она не отложила отчет и не скрылась от его взгляда за шкаф. Там вместе с осталь-

ными отдельскими женщинами Римма принялась резать продукты для бутербродов, сырной закуски и такого же вечного, как Мариванна Погорельцева, салата «Оливье».

Во время традиционного застолья начальник отдела Юрий Николаевич Егоров все с тем же неподдельным интересом рассматривал свою подчиненную Римму Геннадьевну Брянцеву, будто видел ее впервые. Сначала она этому удивлялась. Неужели какая-то (и наверняка палёная) электрическая зубная щетка способна что-то изменить в их устоявшихся отношениях? Конечно же, ничего. Начальник – он и есть начальник. Она его, безусловно, всегда уважала, но не более того. Потом взгляд Егорова начал Римму раздражать. Чего ему, собственно, надо? Вон как блестит на его пальце широкое обручальное кольцо! Прямо неудобно, честное слово. Мариванна, похоже, уже заметила взгляды Егорова и теперь сама поглядывает на Римму со значением.

Поскольку взгляды начальника стали еще надоедливее за чаем с традиционным тортом «Прага», испеченным все той же Погорельцевой, Римма решила ответить Егорову тем же. Она подперла подбородок кулаком и принялась разглядывать тысячу раз виденное лицо мужчины, под началом которого работала уже десять лет. Лицо было так себе. Совершенно обыкновенное. Не плохое, конечно, но и не выдающееся. На лоб падают прямые пряди темных волос с легкой сединой. Широкие кустистые брови нависают над средней величины глазами цвета спитого чая. Длинных ресниц или какой-нибудь классической поволоки в наличии не имеется. Нос прямой, но и только. Ни тебе трепещущих ноздрей, ни породистой горбинки. Под носом усы. Щеткой. Видимо, жесткие. Под ними почти скрывается верхняя губа. Римма напрягла память, но так и не вспомнила Егорова без усов. Это означало, что изгиба его верхней губы она не видела никогда. Скорее всего, там и смотреть не на что. Губа нижняя до того обыкновенная, что о ней и сказать нечего. О подбородке тоже. Обычный. Безвольным не назовешь, но и на волевой тоже не тянет. Бежевый джемпер с коричневыми ромбами. По цвету подходит к глазам, зато совсем не сочетается с серыми брюками. И самое отвратительное в Егорове – это, конечно, массивное золотое кольцо на безымянном пальце правой руки. Зачем так выпячивать свое семейное положение? Как будто женщины не догадались бы, что Юрий Николаевич женат, если бы кольцо было узким.

Егоров заметил, что Римма тоже решила его разглядеть с пристрастием, и улыбнулся. Улыбался он хорошо. Как Юрий Гагарин на старых советских снимках. Но на что Римме его улыбка? Пусть на нее любитесь жена, которая надела ему на палец такое уродство.

Когда чай был выпит, а торт «Прага» съеден вплоть до ягод черноплодки, которыми Мариванна выложила на верхнем корже число 23 для дизайна, Егоров разрешил всем идти домой. Римма подошла к зеркалу, чтобы половчее натянуть фетровый берет, и увидела, что за весь день так и не причесалась. Светлые прямые волосы, выбившись из-под заколки, висели вдоль лица неопрятными спутавшимися прядями. Вот почему на нее глазел начальник. Она-то думала, из-за электрощетки, а оказывается, из-за того, что за праздничным столом она выглядела, как натуральная баба-яга. Римма с силой выдохнула из легких воздух, будто выбрасывая из себя вместе с ним огорчение и досаду. Конечно, ей наплевать, что подумал про нее Егоров, но причесаться все-таки надо было. Хотя бы ради праздника.

– Римма Геннадьевна! – услышала она, когда выскочила из дверей «Петроспецмонтажа», надеясь, что удастся сигануть прямо в маршрутку, которая останавливалась напротив входных дверей их здания.

Римма обернулась. Возле черной «Ауди» с открытой дверцей стоял Егоров и все так же по-гагарински улыбался.

– Садитесь, я вас подвезу, – предложил он.

Римма заколебалась. Путь домой ей предстоял неблизкий. После маршрутки надо было еще пересаживаться на метро, что, конечно, радовать не могло. В предпраздничный корот-

кий день народу на питерских улицах было много, и очередь на маршрутные такси имела весьма внушительный хвост.

– Садитесь, – повторил начальник и кивнул на остановку. – Вы тут битый час простояете.

Абсолютно все, томящиеся в очереди на самый популярный вид городского транспорта, посмотрели на Римму с такой нескрываемой завистью, что она, ободряюще им улыбнувшись, решительно забралась в салон «Ауди». В конце концов, в берете вид у нее вполне приличный, а Егоров не развалится, если сделает небольшой крюк и завезет подчиненную домой.

Начальник ловко вырулил из гущи припаркованных машин и поехал в направлении, противоположном тому, куда надо было ехать Римме.

– Юрий Николаевич, я живу в другой стороне, – осторожно напомнила она.

– Я знаю, – ответил Егоров и опять улыбнулся.

– И что в этом смешного? – уже с раздражением спросила Римма.

– Ничего. Просто у меня сегодня хорошее настроение.

Очевидно, в связи со своим хорошим настроением он ехал и ехал вперед и не собирался останавливаться, чтобы развернуться. Это Римме совершенно не понравилось. Она прикинула, что из этого района ей уже придется добираться до дома на трех видах транспорта.

– Юрий Николаевич! Остановите, пожалуйста! – крикнула она и даже вцепилась в руль.

Машина вильнула, и Егоров, все так же улыбаясь, свернул в первый подвернувшийся переулочек и там остановился. Римма дернула дверцу. Она не поддавалась.

– Откройте немедленно! – потребовала она и очень сильно потрясла дверь за ручку.

– Ну чего вы так испугались, Римма Геннадьевна? – рассмеялся начальник. – Будто бы я – не я, а похититель женщин! Будто мы не знаем друг друга столько лет!

Римма растерялась. И правда, чего она испугалась? Подумаешь, едут не в ту сторону... Он, конечно же, сейчас развернется, и они поедут куда ей надо. Она повернула лицо к Егорову, собираясь улыбнуться так же ослепительно, как он. Она даже уже растянула губы в ответной улыбке, но начальник почему-то стал серьезным.

– Честно говоря, Римма Геннадьевна, я хотел вас пригласить в один ресторанчик...

– В ресторанчик? – опешила Римма и добавила уже совершеннейшую глупость: – Так мы только что от стола...

– Ну... разве дело в еде? Можно заказать что-нибудь легкое... Десерт... Кофе...

Римма молчала. Она не знала, как реагировать на предложение Егорова. Она совсем убедила себя в том, что Юрий Николаевич смотрел на нее долгим взглядом исключительно ввиду повышенной лохматости ее головы, а теперь выходило – все-таки из-за весело жужжащей зубной электрощетки. Римма нервно поправила берет и решила спросить:

– Скажите честно, вы пригласили бы меня в ресторан, если бы... ну... словом, если бы я подарила вам еженедельник или... эти... как их... отвертки?

Егоров усмехнулся и сказал:

– Не знаю... Как ни смешно, меня поразила эта единственная щетка среди записных книжек, которые уже просто некуда девать... Почему вы купили ее?

– Не знаю. Купила, и все. Она показалась мне смешной... и...

– И трогательной?

– Пожалуй, что так... как детская игрушка...

– Так вы поедете со мной в ресторан? – спросил Егоров без тени улыбки, напряженно глядя ей в глаза.

Римма покосилась на его широкое обручальное кольцо, но ничего не спросила.

– Ну и что? – вместо нее спросил он.

Она подумала, что если уж ему «ну и что», то ей – тем более. Почему она должна беспокоиться о его жене? Ей нет до нее никакого дела! Римма собиралась ехать домой и весь вечер смотреть бесконечные сериалы. Пожалуй, ресторан будет получше телевизора. Она не посещала рестораны уже очень давно. Возможно, что в своем черном свитере и синих джинсах она будет выглядеть там белой вороной. И наплевать! Зато ее будут сопровождать не подруги, собравшиеся на девичник, а мужчина. Пусть не идеальный, но не хуже некоторых других. Нормальный мужчина. С усами.

– Вы отказываетесь, Римма? – снова спросил он.

– А-а-а, – махнула она рукой. – Поедем, пожалуй... В ресторан так в ресторан...

– Отлично, – обрадовался Егоров и положил руки на руль.

В этот самый момент у него в кармане запиликал мобильник. Извинившись, Юрий Николаевич вытащил трубку. Римма поняла, что он разговаривает с сыном.

– Тебе уже целых тринадцать лет, – наставительно сказал Егоров, – и давно пора решать эти вопросы самостоятельно.

В трубке так громко звенел и вибрировал детский голос, что Римма поняла: с ребенком что-то случилось.

– Хорошо, сейчас приеду, – буркнул Юрий Николаевич, и Римме стало ясно, что ресторан отменяется.

Сунув в карман мобильник одним резким движением, начальник посмотрел на свою подчиненную так, будто это она пригласила его в ресторан, а он никак не может пойти.

– Понимаете... мой сын... Илюха... в общем, его почему-то регулярно бьют одноклассники, – сказал Егоров, – и сейчас он сидит в подъезде напротив школы и боится выйти, потому что во дворе его поджидают... ну... вы понимаете...

Римма все понимала, а потому на начальника не смотрела. Через окно машины она пыталась разглядеть, нет ли поблизости остановки какого-нибудь транспорта, на котором она сможет доехать хотя бы до метро.

– В общем, мне надо за ним заехать, а то он грозит там и заночевать, – закончил Егоров и посмотрел на нее виноватыми глазами.

– Конечно, конечно, – довольно равнодушно произнесла Римма. На сериал «Моя горькая любовь» она уже не успеет, но на других каналах уж точно можно будет найти что-нибудь стоящее, да еще и накануне всероссийского праздника.

– Нет, вы меня не поняли, Римма Геннадьевна, – как-то чересчур торопливо проговорил Юрий Николаевич.

– В смысле? – повернулась от окна Римма.

– Ну... в общем... я предлагаю вместе заехать за Ильей... Учитывая, что мы на машине... это много времени не займет...

Римма нахмурилась. Судя по всему, у начальника здорово съехала крыша.

– И в качестве кого вы собираетесь ему меня представить? – спросила она.

– В качестве того, кем вы и являетесь на самом деле, – ответил Егоров и смущенно улыбнулся.

– А кем я являюсь? – на всякий случай уточнила Римма.

– Сотрудницей... Разве нет?

– Сотрудницей? – почему-то переспросила она, хотя именно ею и была. – А что... ваш сын не удивится... ну... тому, что вы куда-то поедете с сотрудницей, вместо того чтобы идти вместе с ним домой?

– Не удивится.

– Да? – совсем растерялась Римма. – То есть... вы постоянно куда-нибудь уезжаете с сотрудницами... и ваш Илья к этому уже привык?

– Ну не то вы говорите, – скривился Егоров. – Совершенно не то...

– А как еще вас можно понять? Вы, женатый человек, – она не смогла не ткнуть пальцем в его вызывающе блестящее кольцо, – приглашаете меня в ресторан, демонстративно представляете сыну. А потом ваша... жена предъявит мне свои претензии?

– Жена... она ничего вам не предъявит, потому что... В общем, у меня нет жены.

– То есть? – Римма не могла оторвать взгляда от его руки.

– То есть мы в разводе. Уже три года.

– Три года? – ахнула Римма и опять уставилась на кольцо.

Егоров зачем-то сунул руку в карман и сказал:

– Я специально не снимаю кольцо, потому что не хочу лишних разговоров, расспросов. Моя личная жизнь никого не касается. И я бы не хотел, Римма, – он с мольбой посмотрел на нее, – чтобы мое семейное положение обсуждалось в отделе. Вы меня понимаете?

– Я понимаю, – кивнула она, – и никому ничего не скажу, но...

– Но что?! Чего вы опять испугались? Я – свободный человек! Я имею полное право пригласить такую же свободную женщину, как и я сам, куда мне... или ей... захочется! А с сыном я не разводился! И я должен ему помочь, хотя... на его месте давно подрался бы с этим хулиганьем. После хорошей драки, знаете ли, иногда даже можно сделаться друзьями... – Он перевел дух и резко бросил ей: – Решайтесь, Римма Геннадьевна, едете со мной, или я отвезу вас к метро, или... куда скажете...

Римма посмотрела на Егорова. Он всегда был очень выдержанным человеком. Она никогда не видела его в таком волнении, и оно удивительно шло ему. Волосы упали почти на глаза, профиль заострился и затвердел. Пожалуй, новый, свободный и взволнованный, Юрий Николаевич ей нравился.

– Ладно, – сказала она. – Поехали спасать вашего сына.

Егоров рванул машину с места, даже не взглянув на нее.

Илья Егоров явно поторопился выскочить из подъезда, как только во двор въехала отцовская «Ауди», потому что со школьного заборчика моментально спрыгнули два его заклятых врага и бросились на него с кулаками. Усидеть в машине, когда «бьют наших», Римма не смогла и рванула вслед за Юрием Николаевичем.

Один из нападавших был совсем маленьким и щупленьким, но очень вертким и настырным парнишкой. Он несколько раз выскользнул из Римминых рук, пока она наконец не догадалась обхватить его за плечи и крепко прижать к себе. Парень несколько раз безжалостно пнул Римму ногой, надеясь тем самым парализовать противника и сбежать, но она держала его крепко. Егоров тем временем оторвал от сына второго юного террориста, довольно плотного, упитанного и очень сильного для своих лет. Загородив сына от недругов, Юрий Николаевич, с трудом сдерживая рвущуюся из него злость, сказал:

– И чтобы я вас больше возле него не видел, ясно?!

– Вы и не увидите, – довольно нахально произнес упитанный, особенно налегая на слово «вы», и Римма поняла: ей очень не хотелось бы оказаться на месте Ильи.

Щупленький и верткий паренек решил, что егоровские защитники могут все-таки неправильно понять, кто и чего не увидит, а потому уточнил:

– Мы его в школе отметелим!

– Я тебе отметелю! – выкрикнул Юрий Николаевич, выпустил из рук упитанного и за воротник куртки поднял перед собой щуплого.

Упитанный тут же сбежал, бросив товарища на произвол судьбы. Но судьба к тому сегодня благоволила. Парень выскользнул из своей куртки, как змея из кожи, и припустил за предавшим его приятелем, ничуть не жалея об оставшейся у врага одежде.

– Черт! – уже совершенно беззлобно бросил ему вслед Егоров, аккуратно повесил пустую «змеиную кожу» на школьный заборчик и обернулся к сыну.

Егоров-младший, встrepанный и красный, кусал губы, крепясь, чтобы не заплакать.

– Ну и в чем дело? – спросил Егоров-старший.

– Ни в чем, – ответил мальчик.

– Если ни в чем, то зачем звал меня?

– Их больше.

– А ты подерись хоть раз! Может, одолеешь?

– Не хочу...

– Трусишь?

– Нет.

– А что?

– Ничего, – крикнул Илья и бросил на отца злой взгляд.

Сын Егорова ни разу не посмотрел в сторону Риммы, но она чувствовала, что он ненавидел ее сразу же, как только она попала в поле его зрения рядом с отцом. Возможно, из-за ее присутствия он и не хотел говорить с Юрием Николаевичем о своих разногласиях с одноклассниками. Римма почувствовала себя лишней. И зачем она согласилась поехать с Егоровым? Было же ясно с самого начала, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Илья сел на переднее сиденье машины, где до этого сидела Римма. Ей ничего не оставалось, как усесться на заднее, поскольку самостоятельно выбраться из этого района Питера она, пожалуй, не сможет. Она смотрела в зеркальце заднего обзора на Илью. Он был очень похож на отца. Даже глаза были точно такого же оттенка спитого чая... или нет... лучше все-таки сказать – золотистого...

Илья заметил ее изучающий взгляд и скорчил отвратительную рожу. Римма не смогла обидеться. Она громко фыркнула, и мальчишка вдруг расхохотался тоже. Его наконец отпустило напряжение, он перестал переживать только что с ним происшедшее. Он смотрел на смеющуюся Римму и хохотал все громче и громче. Егоров-старший старался сдержаться, но салон машины уже, казалось, сотрясался от смеха, и ему в конце концов пришлось рассмеяться тоже.

– Пап! А ты завтра приедешь? – заглядывая отцу в глаза, спросил Илья, когда машина остановилась у подъезда их дома.

– Конечно, – ответил Егоров с той особой интонацией, которая должна была дать сыну понять, что он – человек слова. – Мы ведь договорились.

– Ну... тогда пока... – сказал мальчик, и Римма увидела, как он огорчен оттого, что приходится расставаться с отцом. Похоже, ему опять захотелось расплакаться. Но он сдержал себя, передернул плечами, скорчил Римме очередную рожу и побежал к подъезду.

– Я люблю его, – сказал Егоров, когда за Ильей захлопнулась дверь.

– И он вас, – подхватила Римма.

– Да... Жаль, что дети вынуждены нести на себе тяжесть родительских разногласий и... прочего... – Юрий Николаевич посмотрел на Римму как-то особенно тепло и спросил: – Ну что, едем?

Именно в этот момент из подъезда опять выбежал Илья. Он резвым зайцем подскочил к машине, держа в вытянутой руке мобильник:

– Вот! Тебя! Бабушка!

– Мама? Что случилось? – закричал в трубку Егоров. – Почему не звонишь мне?.. Как это не отвечаю?! – Он вытащил свой мобильник из кармана, покрутил его перед глазами и вынужден был согласиться: – Да... Ты права... Батарейка села... забыл зарядить... Так что случилось-то?.. Что, прямо сейчас? – Юрий Николаевич затравленным взором посмотрел на Римму и опять громко сказал в трубку: – И никак не можешь подождать?.. Да-да... Конечно, понимаю... Хорошо... Приеду... Обязательно приеду! Ну разумеется, прямо сейчас...

– Ну и что? – спросил Илья.

– Все нормально, сын! – Егоров протянул ему телефон. – Бабушке нужно, чтобы я срочно приехал.

– Она в порядке?

– В порядке. Беги домой.

– Значит, до завтра? – еще раз уточнил Илья.

– До завтра, – кивнул отец.

– Правильно ли я понимаю, что вам теперь нужно ехать к матери? – спросила Римма, когда мальчик опять скрылся в подъезде.

– Она просит... Но я же не знал, что все так получится! – Егоров вскинул на нее огорченные глаза. – Вы мне верите, Римма?

– Наша с вами затея, похоже, с самого начала была обречена на провал, – улыбнулась она. – И чего я влезла с этой дурацкой щеткой? Купила бы, как все, ежедневник! Мне даже один в магазине понравился... такой... в джинсовой обложке...

– Не говорите глупостей, Римма! Все получилось, как надо! Вы должны были узнать, что я разведен, что у меня есть тринадцатилетний сын, который требует постоянной заботы, и мать... ей уже около восьмидесяти. Я у нее поздний ребенок. Очень поздний... И единственный. Она уже год как лежит, не встает. Почему-то отнялись ноги. Во всем остальном она еще хоть куда...

– Ваша мать живет одна?

– Не совсем. С ней живет одна женщина... Я даже не знаю, как ее правильной назвать... Скорее друг семьи. Мы все зовем ее Анечкой, хотя ей уже шестьдесят. Мама не захотела, чтобы я ежедневно дышал, как она выразилась, запахом разложения, и потребовала, чтобы я переехал пока в квартиру Анечки. Спорить с ней вообще трудно, а в этом случае, наверно, и не нужно: она все-таки женщина, а я – мужчина. Анечка рядом с ней как-то уместнее. А сейчас мать просит привезти... в общем... памперсы. Кончились... Я всегда привожу... Это моя обязанность. Но ведь вы съездите со мной, Римма?

Он смотрел на нее умоляюще и совсем не был похож на того Юрия Николаевича, которого она знала много лет и почему-то никогда вообще не отождествляла с мужчиной. Егоров был для нее начальником условно среднего рода. Сегодня он ей нравился уже... около часа. С того самого момента, когда пригласил в ресторан и сказал, что разведен. Разве так бывает? Ничего не было, и вдруг... Она готова с ним ехать не только к матери, но и в другие, гораздо более отдаленные места. Но почему?!!

– Зачем я вам, Юрий Николаевич? – спросила она и замерла в ожидании ответа. Наверняка он не сможет ответить на ее вопрос прямо. Нельзя же взять и сказать женщине, что решил приударить за ней от скуки или тоски.

– Вы мне понравились, Римма, – ответил он и, не давая ей возразить, продолжил: – Я понимаю, что это кажется вам странным. Да, я никогда раньше вами не интересовался, но... словом, все когда-нибудь случается впервые. Сегодня я удивился вашему подарку, посмотрел на вас повнимательнее и вдруг... не смог отвести глаз. Я видел, что смущаю вас, но мне хотелось смотреть и смотреть. У вас милое лицо, Римма... Такие живые и одновременно глубокие глаза... и эти чуть встрепанные волосы... Мне хотелось дотронуться до них рукой... Извините... Вы спросили, я ответил... Возможно, если бы вы отказались сесть в мою машину, все умерло бы во мне, так и не разгоревшись... Мало ли вокруг привлекательных женщин... Но вы сели, и я не хочу, чтобы все вот так глупо закончилось. Мать живет в самом центре, на Садовой. Мы потратим на поездку в аптеку и к ней не более часа. А, Римма? Соглашайтесь! За это время мы как раз проголодаемся и закажем в ресторане самый настоящий ужин!

Она не могла не согласиться. Она уже готова была соглашаться на все его предложения. Опаздывая утром на работу, Римма не могла даже предположить, что вечером будет мечтать

о том, чтобы остаться наконец наедине с собственным начальником. Если бы только знала Мариванна Погорельцева, что сейчас происходит с ее сослуживцами, то округлила бы свои голубенькие глазки и прошептала бы: «Не может быть!» Римма и сама сказала бы то же самое, если бы... Но это случилось... Они с Егоровым вдвоем находились в салоне машины, и их неудержимо тянуло друг к другу. Она чувствовала, как вокруг них стужается облако взаимной приязни и интереса.

Римма не хотела выходить из машины. Она отговаривалась тем, что, дескать, не стоит тревожить больную женщину. На самом деле ее пугала необходимость созерцания немощной старости. Ей еще никогда в жизни не приходилось видеть прикованных к постели стариков и, честно говоря, не хотелось. В квартире наверняка темно, душно и дурно пахнет разложением и приближающейся смертью.

– Вы должны знать обо мне все, – опять сказал Егоров, и Римма безропотно поднялась с сиденья, и они вошли в подъезд.

Да, он прав. Она должна знать о нем все. Она хочет знать о нем все. Если надо, то она, пожалуй, станет менять его матери памперсы... Подумав об этом, Римма испугалась собственных мыслей и остановилась. Неужели то, что с ней сейчас происходит, так серьезно?

– Что? – обернулся к ней Егоров.

Римма с удивлением смотрела на собственного начальника. Неужели это и есть ОН?! Тот, которого она...

– Не бойтесь, Римма, – сказал Егоров и взял ее за руку.

Лучше бы он этого не делал! Ей показалось, что все, о чем она сейчас думает, станет ему известно. Перельется из нее в него через сплетенные пальцы. И оно перелилось. Егоров притянул ее к себе так близко, что его дыхание сдуло с ее щеки выбившуюся из-под берета прядку.

– Я утром еще не знал, что в... – он бросил быстрый взгляд на часы, – ...17.42 захочу вас поцеловать...

Она не успела ничего ответить, потому что почувствовала на своих губах его губы. Усы действительно были жесткими и слегка кололись. Но их колкость ничего не добавила в ее абсолютное смятение. Она не смогла ответить Егорову не потому, что не хотела, а потому что у нее не хватило на это сил. Последний раз Римма была в таком состоянии, когда на государственном экзамене в институте ее обвинили в том, что она списывает. Она тогда вся превратилась в живое воплощение конца. Ей и сейчас казалось, что все кончено. Что кончено? Старая жизнь, которая была до этого поцелуя? Или ее жизнь вообще, потому что ничего больше не сможет так поразить Римму, как этот неожиданный поцелуй...

– Вам неприятно? – спросил он.

– Я... я не знаю... – прошептала она.

Егоров изучающе оглядел ее, но ничего не сказал. Потом отвернулся от нее, достал из кармана ключи и открыл дверь. Римме хотелось думать только о том, что сейчас произошло, но она вынуждена была пройти в коридор. Она задержала дыхание, потому что боялась, как бы ее, ослабленную поцелуем, не сбил с ног ужасный запах квартиры с живым трупом.

Когда она все же вынуждена была осторожно вдохнуть, ничего отвратительного не почувствовала. Пахло пищей. Скорее всего, куриным бульоном. Прихожая была необычно огромной, уставленной старинной и, возможно, антикварной сочно-коричневой мебелью. Навстречу Римме с Егоровым из кухни выбежала пожилая, чуть полноватая женщина с уложенной вокруг головы по-старинному короной – толстой седой косой. Очевидно, та самая Анечка.

– Юрочка! Уже приехал! – восхитилась она, всплеснув руками. – Вроде бы мы только что позвонили, а ты уж тут как тут... Может, супчику пое...дите? – чуть запнулась она, бросив быстрый взгляд на Римму. – Евстолия Васильна уж попробовали...

Римма в удивлении вскинула брови. Евстолия? Какое редкое имя!

Егоров, улыбнувшись и чмокнув Анечку в щеку, отказался от супчика.

– Все удивляются маминому имени, – сказал он Римме. – Моя бабушка по этой части здорово отличилась. У ее детей потрясающие имена. Дочь она назвала Евстолией, а сыновей – Гамлетом и Творимиром. Гамлет Васильевич любил к месту и не к месту повторять: «Быть или не быть, вот в чем вопрос!»

– Он что, уже...

– Да, он умер два года назад. Был старше мамы на пять лет.

– Это ты, Юрий? – послышался из комнаты старчески шуршащий, но еще вполне сильный голос.

– Я, мама! – отозвался Егоров, помогая Римме снять куртку. – Памперсы привез! – Он пятерней пригладил волосы и шепнул ей в ухо: – Ну, пойдете знакомиться.

На широкой деревянной кровати на высоко приподнятых подушках лежала седовласая старушка, лицо которой в старых романах непременно назвали бы благообразным. Глубокие морщины, пересекаясь под самыми невообразимыми углами, образовали на нем сплошную сетку, которая почему-то совершенно не испугала Римму. Когда Евстолия Васильевна улынулась навстречу сыну, сетка морщин трансформировалась в лучи, бегущие во все стороны от удивительно живых глаз и очень бледных губ. Римма про себя назвала мать Егорова лучистой старушкой и тоже улынулась ей.

– Это Римма, моя сослуживица, – представил ее Егоров.

– Еще одна шлюшка! – констатировала Евстолия Васильевна, продолжая любезно улыбаться.

Римма вздрогнула, как от пощечины.

– Ну что ты такое говоришь, мама! – укоризненно произнес Егоров и, как показалось Римме, чересчур суетливым движением поправил ей подушки.

– То и говорю, что есть! Предыдущая была все-таки помоложе! Или мне показалось?..

– Не выдумывай, мама! – перебил ее Юрий Николаевич и обратился к Римме: – Ничего такого не было. Это она так... сочиняет... от скуки...

– Я вполне самодостаточна, а потому никогда не скучаю, ты же знаешь! – очень твердо произнесла Евстолия Васильевна и жестким оценивающим взглядом еще раз обвела всю Риммину фигуру.

Она что-то говорила еще, видимо, неприятное Юрию Николаевичу, потому что он покраснел и совершал множество лишних движений руками. Римма уже не слушала «лучистую старушку» и старалась не смотреть на Егорова. Она размышляла над услышанным. Отчего же ей стало так не по себе? Не оттого же, что ее назвали шлюшкой? Римме плевать, что подумала о ней эта старуха. Но зачем Егоров водит к матери своих женщин? Наверно, за три года, что он в разводе, их было у него немало, но зачем же приводить их сюда? Однако ведь не то, что он их водит, отравило ей существование... Не то... А что? А то, что у Егорова вообще были женщины до нее... Ей очень не хотелось, чтобы они были. Жена – это одно, а все остальные... Их не должно быть!!! Римма с ужасом осознала, что страшно ревнует Егорова к неизвестным «шлюшкам».

– Пойдемте, Римма, – сухо сказал он. – Мама сегодня явно не в настроении.

– Почему это не в настроении? – дробно и громко расхохоталась старуха, которая уже казалась Римме безобразной. – Напротив, у меня сегодня очень хорошее настроение. И, судя по всему, гораздо лучше, чем у этой твоей... прости господи...

Римма, не прощаясь, пошла к двери, сунула ноги в сапоги, сдернула с вешалки куртку и, чуть не уронив выбежавшую из кухни Анечку, выскочила на лестничную площадку. Следом так же стремительно вылетел Егоров. Он схватил ее за плечи и развернул к себе.

– Зачем вы меня сюда привели? – спросила она.

– Я не знал, что мать вдруг понесет такую чушь!

– Чушь?

– Чушь!

– Пусть это называется чушью, – согласилась Римма. – Но вы не могли не знать, что ваша мать мне не обрадуется!

– Я знал, – пристально глядя ей в глаза, сказал Егоров.

– Знали и специально привели меня сюда? – вскинулась Римма и попыталась высвободиться из его рук, но он держал ее так же крепко, как совсем недавно она сжимала врага его сына.

– Я же говорил, что вы должны знать обо мне все! – выкрикнул Егоров.

– Что все? Что я всего лишь очередная в череде... шлюшек?

– Ты и сама знаешь, что это не так...

– Разве мы перешли на «ты»? – еле слышно спросила она.

Егоров ничего не сказал. Он прижал ее к двери квартиры и жадно поцеловал в губы. И Римма неожиданно для себя ответила. Она обняла его за шею, и они целовались до тех пор, пока к их площадке не подъехал лифт с громко переругивающимися соседками.

В машине Егоров опять потянулся к ней, и Римма поймала себя на том, что готова уступить любому его желанию.

– Ты ведь не хочешь в ресторан, правда? – спросил он, стацив с нее берет и обеими руками глядя по волосам.

– Не хочу, – ответила Римма чистую правду. Она хотела туда, где они будут с ним только вдвоем.

– Мы поедem... ко мне?

– Мы поедem к тебе, – согласилась Римма, хотя панибратское «тебе» далось ей нелегко, чему она немножко огорчилась. Это слово должно звучать естественно. Она сейчас специально произнесет его еще раз. Римма улыбнулась и сказала: – Я хочу быть с тобой... Только с тобой... Вдвоем...

Он еще раз поцеловал ее. Она чувствовала, что он не хочет размыкать своих рук, и ей пришлось самой отстраниться. Всю дорогу до его дома они больше не проронили ни слова. Они старались и не смотреть друг на друга, поскольку... если бы еще раз посмотрели, то взгляда было бы уже не отвести, что чревато нарушением правил дорожного движения как минимум.

В квартире Егорова уже не надо было бояться автомобильной катастрофы, «лучистой старушки» или мальчика Ильи. Римма и Юрий Николаевич оказались наконец одни. В прихожей они бросились в объятия друг друга так нетерпеливо и страстно, будто были любовниками, встретившимися после долгой разлуки. То, что еще утром ничего не предвещало такого поворота событий, добавляло остроты и так уже до предела обостренным чувствам. Римме казалось, что она более тридцати лет вяло и серо существовала только ради этого вечера, ради того, чтобы горячие губы этого мужчины целовали ее шею, чтобы его руки обнимали ее плечи и ласкали тело. Она не противилась ничему. Она сама помогла ему содрать с себя и свитер, и футболку, и бюстгальтер, у которого был такой хитрый замочек, что ни одному мужчине с непривычки его не одолеть. И только звук резко вжикнувшей «молнии» на джинсах заставил ее очнуться. Римма вырвалась из рук Егорова, юркнула в ванную и встала под душ. Под струями исходящей паром горячей воды ее била дрожь. Ей хотелось

выскочить из ванной обнаженной и мокрой и навсегда прилипнуть к Егорову разгоряченной кожей. И он, почувствовав это, пришел к ней сам. Он тоже больше не мог ждать.

И они обнимались и целовались под шуршащими струями. И чем горячей становились струи, тем яростней делались их объятия. Все могло произойти прямо в ванной, но Егоров не захотел. Он выключил воду и завернул Римму в большое мохнатое полотенце. Прикосновение к коже мягкой ворсистой ткани прибавило ей желаний. Она резко отбросила от себя полотенце и прильнула к Егорову так, как и хотела, всем влажным телом и будто навсегда.

Они с трудом добрались до дивана с неубранной, лишь небрежно накрытой покрывалом постелью. Римма, отдернув покрывало, упала лицом в подушку, хранящую уже такой знакомый его запах. Егоров склонился над ней, целуя шею и плечи. Он спускался вниз по спине, покрывая мелкими и частыми поцелуями ее дрожащее тело. Она не выдержала и развернулась лицом к нему и стала им, а он – ею. Все смешалось и переплелось. Женское и мужское стало единым и общим.

Потом, уткнувшись все еще горячим лицом в шею Егорова, Римма думала о том, как сильно любит его. Она любит его до звона в ушах, ломоты в висках, дрожи в пальцах и сухости в горле, мешающей дышать. И кто определил, когда уже можно говорить о любви, а когда еще рано? Кто знает, где граница между любовью и нелюбовью? Сегодня утром любви еще не было и в помине, а сейчас от ее присутствия готово разорваться Риммино сердце. Она приподнялась над Егоровым, посмотрела ему лицо, провела рукой по щеке и сказала:

– Я люблю тебя, как это ни странно...

Он опять притянул ее к себе, сжал в объятиях так, что у них обоих что-то где-то хрустнуло, и жарко шепнул в ухо:

– Мне не странно, потому что я чувствую то же самое.

– И что же ты чувствуешь? – прошептала она. Ей хотелось, чтобы и он сказал о любви, так неожиданно нахлынувшей на них.

И он сказал то, что ей так хотелось услышать:

– Я люблю тебя.

– Повтори...

– Я люблю тебя... Тебя... люблю...

– Разве так бывает?

– Значит, бывает, раз с нами случилось.

– Неужели все это из-за какой-то зубной щетки?

– Тебе хотелось бы, чтобы было как-нибудь по-другому?

– Не знаю... Нет... Мне хорошо так, как есть...

– И мне...

– Тогда... – Римма села на постели и взяла его правую руку. Не без труда она стащила с его пальца обручальное кольцо, подскочила к открытой форточке и выбросила его на улицу. Было слышно, как оно несколько раз обо что-то звонко ударилось. Римма вернулась в постель и спросила: – Тебе не жаль кольца?

– Нет, – ответил он.

– Оно золотое и толстое.

– Наплевать.

– Но ведь теперь тебе придется объяснять, куда делось кольцо.

– Придется... – улыбнулся Егоров.

– И что же ты скажешь?

– Пока не знаю.

– Скажешь, что меня любишь?

– Если потребуется, скажу.

– А как ты скажешь? И вообще, как нам теперь себя вести на работе?

– Не знаю... А ты знаешь?

– Я тоже не знаю, но мне кажется, я не смогу делать вид, будто между нами ничего нет.

– А между нами еще будет?

– Будет. Я люблю тебя.

– И я люблю тебя.

И он опять принялся ее целовать, а она думала о том, что это лучший день в ее жизни. Она по-прежнему вздрагивала от его прикосновений и тянулась ему навстречу, и даже хотела умереть, понимая, что это самый пик того, что может быть между ними.

* * *

Лариса Ивановна Егорова видела в окно, как к дому подъехала машина ее бывшего мужа. Из нее выскочил Илюшка, но в салоне явно остался кто-то еще. И она могла бы присягнуть, что этот кто-то являлся женщиной. Лариса даже не стала расспрашивать сына, потому что и так чувствовала все нутром. Она любила Юрия. Все эти три года любила, и рыдала по ночам, и не могла смириться с разводом. Она иногда встречалась с Серегой, из-за которого, собственно, все и произошло, но этих встреч жаждало только ее тело, но никак не душа. Что же делать, если у нее такая ненасытная плоть? Она любила своего Юру всегда, но телу всегда было его мало. И Лариса определила себе для плотских (только плотских) утех Серегу, бывшего одноклассника и соседа по подъезду. Он был влюблен в нее с юности и всегда охотно спускался со своего девятого этажа на их пятый, стоило ей только сказать в телефонную трубку одно лишь слово «приходи». Быстрый секс с ним давал разрядку ее вечно томящемуся телу, и она, как самая любящая и верная жена, встречала мужа с работы. Действительно любящая и действительно верная. Ничего серьезного с Серегой у нее не было и быть ни могло. Но не зря говорят, сколь веревочке ни виться... Однажды Юра застал их прямо в коридоре в недвусмысленной позе. Он ничего не сказал и сразу ушел. Объяснений ее слушать не пожелал и очень быстро организовал развод через каких-то своих знакомых в загсе.

Лариса никак не могла понять, почему муж так остро среагировал на Серегу. Можно подумать, что сам без греха. Нет, она, конечно, с поличным его не ловила, но ни за что не поверит, что за пятнадцать лет супружества Юра никогда не изменял ей. Да такого просто не может быть! Все вокруг изменяют друг другу, но в крайности не впадают! У них с Егоровым была хорошая дружная семья, и рушить ее из-за какого-то банального секса с соседом – верх безрассудства! Хоть бы о сыне подумал! Илюшка по отцу очень тоскует и, похоже, считает ее виноватой в разрыве.

Конечно, она, Лариса, виновата, но не настолько, чтобы с ней разводиться! У Егорова наверняка что-то было с ее подружкой Милкой. Не случайно у этой Милки, когда она видит Юру, глаза сразу делаются шальными и бесстыжими. Смотреть таким образом на мужчину, с которым никогда и ничего... никакая женщина не станет, потому что он здорово удивится. Егоров никогда не удивлялся.

Лариса понимала, что за три года, что они прожили с Юрой отдельно, у него наверняка были женщины. С одной она даже видела его как-то в универсаме. Так себе бабенция. Довольно жалкая. У Ларисы при виде ее даже ничего не шелохнулось в груди. Эта тетка наверняка играла в жизни ее бывшего мужа такую же роль, как в ее – друг юности и сосед по подъезду Серега. А вот то, что Егоров вез в своей машине одновременно Илюшку и какую-то женщину, Ларисе очень не понравилось. Ей хотелось расспросить сына о том, как выглядела женщина и какими глазами на нее смотрел отец, но она не посмела. Однако чем больше Лариса думала об этой женщине, тем муторней делалось у нее на душе.

Да за что же она так любит Егорова? Кажется, не половой гигант... И зарплата так себе... И почему бы ей не полюбить Серегу, который спит и видит ее, Ларису, в своей

постели. Он в два счета разведется со своей Алкой, стоит ему только об этом намекнуть. Так нет! Не нужен ей Серега! Ей Егорова подавай. Конечно, лучше бы они оба оставались при ней, потому что очень разные и, соответственно, годны для разных дел. Но в случае возвращения Егорова домой она готова отлучить от своего тела сладострастника Серегу.

Лариса пометалась по квартире с полчаса, потом проверила у Илюшки домашнее задание по математике и решила съездить к Евстолии.

Когда Лариса впервые встретилась с матерью Юрия, обе сразу поняли, что они на равных. Жесткий цепкий взгляд Евстолии не смог проникнуть в Ларисину душу. Она легко отразила его своими жгучими глазищами с вишнево-карей радужкой. Сочный надменный голос Евстолии не смог и вполтину заглушить звонкие переливы Ларисино. Тогда обе они курили, сидели в похожих позах, прямя спину и положив ногу на ногу. Их разговоры всегда напоминали Ларисе партию в теннис: кто отобьет мяч, кто пропустит. Обе пропускали редко. Евстолия была умна и высокомерна. Лариса неглупа и цинична. Она сразу поняла, что мать Юрия не хочет отпускать от себя единственного сына, а потому сделает все, чтобы расстроить их свадьбу, что наверняка уже не раз делала. Может быть, Лариса и захотела с такой силой замуж за Егорова, чтобы уесть его мамашу. Она не могла позволить Евстолии манипулировать ею. Лариса должна была вырвать Юру из цепких лап матери – и добилась своего.

– Ну что ж, может быть, это и к лучшему, – произнесла Евстолия, когда Лариса показала ей обручальное кольцо, – лучше уж ты, чем кто-либо другой.

– И чем же это я лучше? – насмешливо спросила Лариса.

– Тем, что не размазня и не тряпка. Это во-первых. А во-вторых, с тобой он будет только телом, а душой останется со мной.

– Щас! – рявкнула тогда Лариса. – Он мой – целиком и полностью! И даже не зарьтесь!

– Дура, – спокойно ответила Евстолия. – За тело-то они крепче всего и держатся.

Они в тот день здорово отлаяли друг друга, а вечером Лариса в очередной раз убедилась, что во многом мамаша Юрия права. Он упивался Ларисиним телом и очень мало с ней разговаривал. Ее тело всегда действовало соответствующим образом как на Егорова, так и на Серегу, и еще на некоторых других, что попадались Ларисе в отпуске или на вечеринках, где она хотя и редко, но все же бывала без мужа. А что до души, то кто ее будет вспоминать в ежедневной будничной гонке или в жаркой супружеской постели? Да и развелся с ней Егоров вовсе не из-за высоких материй, а из-за того, что не захотел делить ее тело с другим мужчиной. Только и всего!

Евстолия не удостоила Ларису ни приветствием, ни вопросом. Она молча смотрела в лицо бывшей невестки и ждала, когда та начнет говорить первой. Ларисе захотелось повернуться и уйти, гордо хлопнув дверью, но она сдержала свой порыв, потому что толку от него не было бы никакого.

– У него есть женщина, – сказала она, проигнорировав дежурные вопросы о здоровье и самочувствии.

– Он приводил ко мне ее, – бесстрастным голосом отозвалась Евстолия.

– Ну и?!

– У нее, Лариска, конечно, нет такого бюста, как у тебя, зато в избытке присутствует другое.

– Что?

– Он будет с ней разговаривать.

– О чем? – растерялась Лариса.

– Обо всем.

– В каком смысле?!

Евстолия презрительно улыбнулась, и многочисленные морщины ее лица трансформировались в глубокие лучи-рытвины, расходящиеся во все стороны от глаз и бледного рта.

– А в том смысле, моя милая, что он будет приносить именно на ее тощую грудь все свои беды и радости.

Ларисе стало нехорошо. Колени у нее подогнулись, и она обессиленно упала на стул, стоящий рядом с кроватью бывшей свекрови. Какой кошмар! Уже три года, как они в разводе, но кажется, будто только вчера она вышла за Юру замуж, а он вдруг взял и переметнулся к другой! Да она перегрызет горло этой твари! Все это время Лариса жила надеждой, что Егоров вернется, а тут вдруг замаячила чья-то тощая грудь...

– Зачем он ее приводил? – только и смогла спросить Лариса.

– Сдается мне, что Юра собрался на ней жениться.

– Не может быть... И кольцо снял?

– Нет, у меня он был с кольцом, но... снимет. Это всего лишь вопрос времени.

– Неужели все так серьезно? – еле просипела Лариса.

– Если бы не было серьезно, он не притащил бы ее сюда, – усмехнулась Евстолия.

– И как она? Хороша собой?

– Я же сказала, что ты – вне конкуренции в смысле... конфигурации тела... – И мамаша Егорова обвела сухонькой ручкой в меру пышные формы бывшей невестки.

– И что же тогда в ней такого, почему он... – Лариса не договорила, потому что слово «влюбился» по отношению к собственному мужу ей совершенно не хотелось произносить.

– Не знаю, – покачала головой старуха. – Только я сразу поняла, что тебе, Ларка, конец.

Невестка зло сощурила глаза и, скривив накрашенные губы в презрительной усмешке, тихо сказала:

– Исходя из всего вышесказанного, вам тоже – кранты, Евстолия!

– Представь, я это сразу поняла, как только ее увидела, а потому... В общем, не твое дело, что я предприняла, но только эта его Римма здорово обозлилась.

– Римма? Редкое имя для сегодняшнего дня...

– Вот именно... И эта «редкая» особа уведет у меня сына, а у тебя – мужа. Хотя и бывшего, а уведет окончательно! Попомни мое слово, Лариска!

– И что же делать? – осторожно спросила та, поскольку поняла: Евстолия что-то задумала. Ради того, чтобы сын по-прежнему ежедневно терся возле ее ложа, она готова пойти на многое, если не на все.

– Деньги есть? – спросила мать Егорова.

Лариса тут же полезла в сумку, но Евстолия остановила ее:

– Да не копошись ты! Я не про твое паршивое портмоне спрашиваю! Деньги нужны другие, большие!

– Для чего? – удивилась Лариса. Она тут же попыталась представить какие-нибудь способы употребления денег, пригодные для возвращения мужчины в лоно покинутой им семьи, но не придумала ни одного.

– В общем, так... – сказала Евстолия и, в возбуждении несколько отлепившись от своих подушек, начала излагать.

* * *

Полина Хижняк с отвращением смотрела на свой стильный мобильник, инкрустированный черным перламутром. Если бы он не был таким дорогим, она с удовольствием шарахнула бы им о стену, чтобы он разлетелся на мелкие кусочки. Именно по мобильнику ее любовник, за которого она очень хотела выйти замуж, Игорь Маретин, только что сообщил

ей, что между ними все кончено. Конечно, его слова не были для Полины полной неожиданностью, а потому она не потеряла ни сознания, ни способности соображать. Она давно поняла, что у Игоря появилась другая женщина. Нет, от него не пахло чужими духами, и на одежде не было следов губной помады, но Маретин чересчур старательно делал вид, что постепенно теряет к Полине интерес. Ему, видимо, казалось, что бросить ее сразу будет некомильфо, и он растягивал процесс во времени. Она предпочла бы, чтобы ее сразу выдернули из сердца, как больной зуб из десны, но приходилось делать вид, что процесс «бросания» идет нормально и безболезненно.

Полина, пожалуй, могла бы даже назвать число, когда Маретин познакомился с другой. Это произошло сразу после Дня защитника Отечества. Ночью после праздника Игорь еще был нежным и пылким, а уже двадцать четвертого февраля замямлил про усталость и головную боль в тот самый момент, когда Полина только-только вошла во вкус и готова была предаваться страсти еще часа полтора. Тогда она, конечно, поверила, что у него болит голова и все такое... Но к Восьмому марта усталость Маретина превратилась в запущенно-хроническую. Видимо, на ее истощенной почве и вырос тот жалкий кустик плешивой мимозы, который он подарил Полине в честь женского дня. К кусту прилагалась коробка пересохших конфет, скорее всего купленная в переходе метро, и флакон туалетной воды без запаха и цвета, похоже, из соседствующего с конфетами бутика.

Полина любила Игоря Маретина, а потому изо всех сил бодрилась и не устраивала ему ни допросов, ни сцен ревности. Она надеялась, что та, другая, не сможет не почувствовать, что у Игоря есть еще кто-то, кроме нее, и проколется первой, а именно: закатит ему скандал. Маретин тогда сразу поймет, кто есть кто, и непременно вернется к Полине, поскольку только рядом с ней в любое время суток можно отдышать душой и телом.

Сегодня Игорь отнял у Полины надежду на ближайшее, а также и на все последующие единения душ и тел. Он даже не стал утруждать себя какими бы то ни было объяснениями. Сказал, что они больше не увидятся, и, чуть помолчав, добавил inferнальное – никогда. Полина просипела жалкое «почему?», но Маретин трусливо отключился.

Полина могла сразу же, еще двадцать пятого февраля, узнать, кто позарился на ее потенциального мужа, и пресечь поползновения соперницы на корню, но посчитала подобные действия для себя унижительными. Она решила, что будет вести себя с Игорем так корректно и одновременно так сексуально-эротично, что у него в ближайшее время не останется никаких сомнений в том, кого из двух женщин выбрать.

Полине не везло в личной жизни, несмотря на весьма привлекательную внешность. Отчасти она сама была виновна в этом. В ее глубокие серые глаза с бархатной черной окантовкой влюблялись многие приличные молодые люди, но ее тянуло на несчастных и убогих. Годом к тридцати Полина стала считать это свойство собственной природы таким же извращением, как, скажем, педофилия и прочие пагубные пристрастия. Однажды в бульварной газетенке, которую читала от скуки в транспорте, она напоролась на объявление: «Познакомлюсь с женщиной после тридцати, инвалидкой, желательна с одной ногой» и решила, что они с мужчиной, жаждущим неполноценную возлюбленную, почти одной крови. Всех Полининых молодых людей в некоторой степени тоже можно было отнести к инвалидам, так как они имели недостатки внешности, столь же неисправимые, как и отсутствующая нога.

Началось все в выпускном классе средней школы. Конечно, Полина, как и все девочки, влюблялась и до этого бесчисленное число раз, но влюбленности были детскими, глупыми, а потому мимолетными и не оставляющими в душе ни ран, ни воспоминаний. Первой ее длительной и, как тогда казалось, вечной любовью стал Стасик Алексахин из параллельного класса.

Стасик был очень ярким блондином, но эта яркость являлась не достоинством, а весьма серьезным недостатком. Стасикина кожа была до такой степени тонкой, что сквозь нее про-

свечивало то, что просвечивать не должно. За счет этого его лицо имело оттенок «Докторской» колбасы очень хорошего качества. Ядовито-соломенную шевелюру Стасик стриг коротким ежиком. Сквозь торчащие во все стороны волоски просвечивала все та же «Докторская» колбаса. Черты его лица были обыкновенными, а губы – даже очень выразительными: пухлыми и густо малиновыми. Девчонки между собой сначала называли Алексахина Стасиком-мясо, а потом сократили это длинное прозвище до второй его составляющей.

Полине было жаль Стасика-мясо. Ей казалось, что его бледно-голубые глаза полны вселенской тоски, а малиновые губы жаждут поцелуя, который, как в сказке-наоборот, расколдует его и, возможно, даже превратит в прекрасного принца. Полине виделось, как она целует яркие губы Алексахина и он, вдохновленный и просветленный, становится несколько бледнее и отращивает волосы, которые приобретают благородный золотой отлив. Потом, в знак благодарности, Стасик дарит Полине сумасшедшую любовь, и они живут долго и счастливо и умирают в один день, или, в крайнем случае, Алексахин несколько раньше.

Когда разыгранной в воображении мелодрамы Полине стало маловато, она начала смотреть на Стасика призывно и, как ему казалось, вызывающе. Алексахин от ее взглядов дико смущался и еще пуще багровел лицом, чем доказывал справедливость клички Мясо.

Еще очень долго самыми изощренными способами Полине пришлось доказывать Стасику, что она не замышляет против него ничего иезуитски оскорбительного и что намерения у нее самые серьезные. Полина дозрела до стадии сильно воспалившегося волдыря, который, прорвавшись, должен был непременно одарить ее самым фантастическим наслаждением. Она днем и ночью представляла, как окончательно обалдеет Алексахин, когда она ему, изгою и парии, царственно подарит собственную персону. У нее винтом скручивало внутренности от предощущения этого волнующего момента, и ее бросало в сладострастную дрожь только от одной мысли о Стасикиных прикосновениях.

Когда до Алексахина наконец дошло, чего от него хочет Полина Хижняк, все произошло именно так, как она и мечтала. Его восхищению, нежности и, главное, благодарности не было границ, а Полина была щедра и безоглядна. Ее тело трепетало, губы не отрывались от алексахинских, а глаза сочились нездешним светом. Стасик-мясо думал, что эдакий катаклизм происходит с девушкой исключительно вследствие его нерастраченных по пустякам, незаурядных сексуальных способностей. Он даже не мог предположить, что Полина входила в состояние экстаза вовсе не от его недюжинной мужественности, а от осознания величия своей благотворительности. Она чувствовала себя императрицей, которая предается любви с последним конюхом собственного скотного двора. Ощущение того, что ее любовь ненастоящая, неправильная и где-то даже позорная, обостряло чувства Полины до такой степени, что у нее крышу сносило. Она была настолько страстной и неистовой, что бедный Стасик в самом скором времени стал ее преданной собакой. Полина упивалась преданностью и жаркими малиновыми губами Алексахина месяца три, а потом заскучала. Оказывается, и экзотические конюхи могут поднадоесть. Они хороши только поначалу, а потом становится совершенно очевидным, что у них немытые тела и нечищенные зубы. Нет, Стасик, конечно, мылся и чистился, но его тело было таким же колбасно-розовым, как и лицо, а превращаться в прекрасного принца молодой человек и вовсе не торопился.

Когда подружка Танька закрутила серьезный роман с первым красавцем школы, жгучим брюнетом Витенькой Красновым, Полина трезвым взором взглянула на предмет своего вожделения и ужаснулась тому, что увидела. Нездоровый роман надо было срочно заканчивать и так же срочно искать взамен желто-розового Алексахина какое-нибудь жгучее подобие Краснова. Дело неожиданно осложнилось тем, что Стасик ничего заканчивать не хотел и, даже наоборот, предлагал срочно вступить с ним в законный брак, не дожидаясь выпускного вечера, который, в общем-то, был не за горами. Полина убеждала враз опостылевшего

кавалера в том, что до совершеннолетия расписать их могут только в случае ее беременности, и Алексахин тут же брался это организовать, не откладывая дела в долгий ящик.

Бедной Полине пришлось срочно перестраиваться и изображать из себя роковую женщину, у которой подобных Стасиков – целый вагон и маленькая тележка. Алексахин никак не мог поверить, что с таким же залихватским неистовством его девушка может предаваться страсти еще с кем-то, кроме него, но два одноклассника, за которых Полина написала рефераты по истории и еще позволила им сдуть парочку домашек по тригонометрии, убедили Стасика в этом окончательно и бесповоротно. Оскорбленный Алексахин от вероломной прелюбодейки отвалил и с превеликим удовольствием удалился бы в какую-нибудь пустынь или «в глушь, в Саратов», если бы не надо было сдавать выпускные экзамены, которые из-за его трагедии отменять никто не собирался.

Свободная от притязаний Стасика Полина огляделась вокруг и среди множества симпатичных и мускулистых сверстников опять выбрала ущербного.

На четвертом молодом человеке, который был самым умным из ее одноклассников, но отличался изрядной длиной тела в сочетании с узкими плечами и впалой грудью, девушка всерьез призадумалась над своими донельзя странными пристрастиями. Подруга Танька, которая была уже замужем за тем самым жгучим Витенькой и с которой Полина этот вопрос обсуждала, заподозрила у Хижняк гипертрофированно развитый инстинкт сестры милосердия. Сама же Полина догадывалась, что дело не только в милосердии, а даже скорее наоборот. Ей хотелось и впредь получать бесконечные доказательства преданности, благоговения и преклонения от тех мужчин, которые по ряду показателей до нее не дотягивали, а потому были ее недостойны. Еще и еще раз ей не терпелось испытать ощущение бьющего через край возбуждения от предчувствия того, как она будет себя дарить, а они, недостойные, лобзать следы ее ног. Именно тогда, когда она разложила свои чувства и ощущения по полочкам, ей и попало на глаза объявление страждущего безногой инвалидки. Полина причислила себя к извращенцам и затаилась.

С Маретиным Хижняк познакомилась в поликлинике, где они томились в очереди к участковым терапевтам, кабинеты которых находились рядом. Красавец Игорь поначалу совсем не заинтересовал Полину, так как с точки зрения внешности был совершенно безупречен, если не считать сильно покрасневших носа и глаз ввиду крайне запущенного ОРЗ. Когда же Маретин дождался ее выхода из кабинета врача и попросил «стать родной матерью» на время чересчур остро протекающего заболевания, некоторый интерес к нему у Полины пробудился. Дефект у нового знакомого был хотя и временным, но ярко выраженным, а потому в течение болезни его вполне можно было посчитать конюхом и подарить ему себя.

Накушавшийся жаропонижающих таблеток Игорь неожиданно оказался так хорош, что Полина готова была не только дарить ему себя и по выздоровлении, но еще и что-нибудь приплачивать, только бы он от нее за ненадобностью не отказался. В конце концов, эта новая и такая необычная для нее привязанность вытеснила из Полининого сознания все извращенные фантазии насчет конюха и императрицы. Она впервые по-настоящему полюбила.

Маретин оказался разведенным, а потому настолько ученым и битым жизнью, что вступать в новый брак не имел никакой охоты. Полина и не настаивала. Она целых пять лет была счастлива тем, что любимый человек рядом. Игорь никогда не говорил ей о любви, но она несколько не сомневалась в ее наличии. Он столько раз доказывал ей свою любовь самыми разными способами и вдруг... Что же она, Полина, упустила? Чем же та, другая, лучше ее? И что теперь делать? Неужели придется поступиться принципами?..

* * *

В отделе, конечно, долго судачили о том, что Римма Брянцева подлой змеей вползла в душу Юрию Николаевичу Егорову, который раньше ни в чем предосудительном замечен не был, и разрушила тем самым здоровую и крепкую ячейку общества. Мариванна Погорельцева утверждала, что Брянцева специально выпендрилась и купила Егорову в подарок жужжащую электрощетку, потому что иначе начальник и не думал замечать Римминых поползновений, которые ей, прозорливой Мариванне, были очевидны уже очень давно. Еще на Новый год Брянцева пришла в отдел в очень короткой юбке и нарочно резала колбасу прямо перед носом Юрия Николаевича, который к такому поведению женщин отдела совершенно не привык, а потому был ошарашен. А от ошарашенности один шаг до... тем более когда в руки суют абсолютно ненужную, да еще и вызывающе красную электрощетку.

Римма невозмутимо ходила на работу в той самой новогодней короткой юбке, и сотрудники в конце концов привыкли и к юбке, и к отсутствию широкого обручального кольца на пальце Егорова. Поднатужившись, даже Мариванна притерпелась к тому, что начальник отдела на собственной машине не только подвозит Брянцеву домой, что еще куда ни шло, но и привозит ее на работу. Иногда Погорельцева подходила к Римме и просила: «Подпиши у своего заявку на картриджи и бумагу для принтера. Он тебе не откажет».

Римма безропотно носила Егорову на подпись и заявки, и чужие заявления, но, в отличие от сотрудников, привыкнуть к тому, что у нее особые права на начальника, никак не могла. Ей все время казалось, что вот-вот пробьют какие-нибудь часы, и «Ауди» Егорова превратится в тыкву, а она, Римма, – опять в уныло-бледную особу, каковой являлась до памятного Дня защитника Отечества.

– Почему ты так и не вышла замуж после развода? – однажды спросил ее Егоров. – По-моему, прошло уже много времени с тех пор...

Времени с тех пор прошло действительно много – около восьми лет. Римма признала:

– Да, я развелась давно.

– И что? – Егоров явно тоже хотел все про нее знать.

– Понимаешь, я сама виновата, что так все получилось...

– Ты не могла быть виновата, – сказал Егоров и поцеловал ее в висок. – Ты самая лучшая из всех женщин, которых я когда-либо знал.

От этих слов у Риммы защипало в носу. Она ткнулась ему в грудь и прошептала:

– И я люблю тебя, Юра... если бы ты знал, как я тебя люблю... Только я действительно виновата. Ты же знаешь, у меня не может быть детей, я тебе говорила... А он... ну, мой муж... он очень хотел ребенка. Я лечилась, и все безуспешно. Он утешал, говорил, что еще ничего не потеряно, что надо надеяться... Он был терпелив и даже нежен, а мне казалось, что он со мной живет из жалости, и я... В общем, со мной начались истерики. Я подозревала его в связях с другими женщинами... Я замучила его, Юра... Не он меня, а я его... Как хорошо, что у тебя уже есть сын...

– Я любил бы тебя все равно...

– Нет! – Она вскинула на него сочащиеся слезами глаза. – Ты даже не можешь представить, как отвратительно я себя вела! Я пыталась все перевернуть... будто бы это он виноват, а я страдаю... В общем, никто не смог бы этого вынести, а он... он терпел... И я пошла в загс и подала заявление о разводе. Он забрал его, а я снова... А потом, в общем, я не хочу больше рассказывать... – И Римма разрыдалась.

– И не надо, – сказал он, прижав ее к себе. – Не рассказывай... все уже в прошлом...

А она все плакала и плакала. И уже вовсе не потому, что было стыдно или больно вспоминать, а потому, что это так уютно – плакать у него на груди, прижиматься мокрой

щекой к его рубашке, сквозь которую она чувствовала его кожу. Так сладко слышать слова утешения, сочувствия и бесконечные уверения в сумасшедшей любви, несмотря ни на что и вопреки всему, а потом самой в тысячный раз говорить о безбрежности и беспредельности собственных чувств. Говорить до тех пор, пока слова не прервутся поцелуем, таким же сладостным, как только что прозвучавшие признания в вечной преданности. А потом, когда совсем отпадет надобность в насквозь промокших от слез рубашках и мешающих блузках, уже не думать ни о чем, не сожалеть о прошлом, не мечтать о будущем, а таять и растворяться в сиюминутном, единственно правильном и необходимом.

* * *

В тот вечер, когда Юра первый раз привез ее к себе, Римма, трепещущая и смущенная, не заметила, что обстановка несколько странновата для мужчины. Утром она с удивлением разглядывала старую тяжеловесную лакированную мебель, смешную пятирожковую люстру с белыми плафонами в виде колокольчиков и шторы с крупными бордовыми георгинами. Когда она бросила ревнивый и в то же время растерянный взгляд на трюмо, уставленное разноцветными коробочками и вазочками, Егоров рассмеялся:

– Я же говорил тебе, что после развода живу в квартире Анечки! Ты ее видела у мамы... Ну! Вспомнила?

Римма действительно вспомнила пожилую женщину с толстой косой, уложенной на голове серебряной короной. Да-да... Юра что-то такое говорил, только она тогда не считала это важным. Потом Римма привыкла и к сливочно-желтому свету, сочащемуся из колокольчиков люстры, и к плюшевому покрывалу, и к георгинам на шторах, и к пустым коробочкам от старых духов, теснящимся у зеркала. Она с удовольствием и очень бережно вытирала с них пыль: с «Красной Москвы» с малиновой кисточкой на макушке, с почему-то не распакованной «Пиковой дамы», с коробочки с рассыпчатой пудрой. Иногда ей казалось, что она живет в начале шестидесятых, и у нее почему-то теснилось в груди, и даже хотелось вспомнить то, чего она никак не могла знать, поскольку родилась в семьдесят первом.

Вот и сегодня она любовно стирала пыль с вещей, принадлежащих Анечке. Эта женщина связана с Юрой, а все, что хоть как-то касалось его, было полно для Риммы особого смысла и значения. Старые душистые коробочки были трогательны, георгины на шторах – сентиментально-грустны, а тяжелая темная мебель внушала почтение и, казалось, обещала Римме, что их отношения с Юрой будут так же незыблемы и вечны, как эти буфеты, трюмо и шкафы.

Сам Егоров, как всегда по субботам, уехал к матери, посещать которую Римма отказалась наотрез. Он не настаивал, но, уходя, смотрел на нее долгим печальным взглядом, будто просил перестать дуться и простить наконец большую старушку, чтобы между всеми, кто ему дорог, установилась бы полная гармония. Римма обнимала его за шею и жарко говорила о своей любви, о том, что с нетерпением будет ждать его возвращения, и он откликнулся так же страстно и уже никуда не хотел ехать, и ей приходилось буквально выставлять его за дверь.

Сегодня вечером Римме предстоял первый выход в свет вместе с Егоровым. Его школьный товарищ отмечал день рождения в ресторане «Дельфин», и Юра заявил, что без нее никуда не поедет.

– И кем ты собираешься меня представить? – спросила она.

– Это не дипломатический прием, а потому все будет просто, без церемоний. Все и так поймут, кем ты мне приходишься. И вообще... – Егоров обнял ее и поцеловал в шею. – Я бы представил тебя своей женой, но ты ведь не позволишь, да?

– Я не жена тебе, Юра...

– Так давай поженимся! За чем дело стало?

Римма закусила губу. Нет... Еще рано даже говорить об этом. Конечно, она любит его, безумно любит... Она ни разу не пожалела о том, что сказала Егорову эти слова в первый же вечер. И он ее тоже любит. Она это чувствует. Да что там, она точно знает, и все же... И все же снова замуж Римма пока не хочет. Слишком печальны воспоминания о первом замужестве. И страшится она именно себя. Как бы ее опять не понесло на истерики, когда Юра, законный муж, будет уходить то к матери, то к сыну, а она останется сидеть одна и подозревать его в измене.

– Давай подождем, милый, – сказала она.

Он вздохнул и, наверно, раз в двадцатый ответил:

– Как скажешь...

Римма огляделась вокруг. Все было приведено в порядок. Анечкины вещицы заняли привычные места. В комнате чисто, уютно и пахнет свежeweыглаженными Юриными рубашками. Пожалуй, уже есть смысл убрать их в шкаф, оставив на плечиках одну, светло-бежевую, которую он наденет в ресторан. Римма подергала тугую дверцу. Как и всегда, открыть ее удалось только с третьего раза, дернув изо всех сил. С верхней полки открытого шкафа на Римму упала коробка из-под обуви. Она попыталась ее поймать, выпустив из рук рубашки, но ей не удалось. Крышка коробки спланировала на пол. Вслед за ней прямо на Юрины рубашки посыпались старые фотографии, письма и бумаги. Римма подняла несколько фотографий. На одной были изображены незнакомые ей люди в смешных мешковатых одеждах. С другой улыбалась юная девушка с простоватым, но очень милым лицом. Судя по толстой косе, переброшенной на грудь, этой девушкой была Анечка. Римма ответно улыбнулась ей и подняла с пола сложенное прямоугольником письмо с загнутой боковиной, как делали раньше, чтобы впихнуть тетрадные листки в чересчур короткий конверт. Она не собиралась читать чужое письмо, но на глаза неожиданно попало слово «люблю». Римма сама была настолько переполнена любовью, что инстинктивно перевела взгляд повыше и прочитала: «...не смогу никогда, но сделаю все, чтобы он ни в чем не нуждался. А люблю я одну лишь тебя. И ты об этом знаешь. Все утрясется, моя милая, уляжется. Мы все равно не могли бы...» На этом месте Римму прервал звонок. Видимо, вернулся Егоров. Он любил, чтобы Римма открывала ему дверь, и они целовались на пороге, будто не виделись сто лет.

Римма зачем-то сунула письмо в книгу, которую читала, и побежала открывать дверь. Действительно вернулся Юра. И, как всегда, она юркнула к нему под куртку, забыв про рассыпанные письма и фотографии. Вспомнить про них пришлось очень не скоро, только когда пришла пора оторваться друг от друга, чтобы собираться в ресторан.

– А вот это я, смотри! – весело сказал Егоров и протянул Римме фотографию с толстощекиим мальчуганом, который сидел на коленях все у той же Анечки.

– Ты? – удивилась она и еще раз взгляделась в фотографию. – А почему ты вместе с Анечкой?.. Слушай, а все-таки она кто?

– Узнала, да? – почему-то обрадовался Юра. – По косе, конечно. Знаешь, я в детстве любил смотреть, как она расчесывает волосы. Они у нее были длинные-длинные, почти до полу, и волнистые, видимо, от косы... У меня аж дух захватывало, представляешь?

– Представляю, – улыбнулась Римма. – Ну, расскажи, кто она?

– Я действительно не знаю, кем ее считать. Она нам как родственница, хотя по крови чужая. Начну, пожалуй, с отца. В советское время он был заведующим книжным магазином «Мир науки». В нем продавались учебники, словари, справочники, энциклопедии и разнообразная техническая литература. Занятие по тем временам было довольно хлебным, потому что любые хорошие книги, а также учебники со словарями достать было трудно. Отец имел массу знакомых в разных кругах, ну и... он им книги, они ему тоже что-то, по возможно-

сти... В общем, жили мы хорошо. Ты видела, какая у мамы квартира. Может, обратила внимание на книжные шкафы?

Римма кивнула. Даже в той комнате, где лежала Евстолия Васильевна, книг за стеклами книжных шкафов было много.

– Так вот, хотя отец продавал техническую литературу, увлекался он древнерусской живописью. Не в том смысле, чтобы иконы собирать. Он собирал книги и альбомы по русской живописи и еще по западной средневековой. У нас много редких экземпляров, за которые и по сей день можно выручить хорошие деньги. Но мама наотрез отказалась их продавать, даже когда мы здорово нуждались после смерти отца.

– А Анечка-то? – нетерпеливо спросила его Римма.

– Уже и до Анечки недалеко. Слушай! Однажды в какой-то поездке отец выпросил у одного человека старинную книгу... «Часослов» называется... с потрясающими иллюстрациями – я тебе потом покажу – от них прямо не оторваться. Разумеется, он заплатил хорошую сумму, но в дополнение к деньгам этот товарищ попросил устроить на работу в тогдашнем Ленинграде... его племянницу из-под Ржева, из деревни со смешным названием Мышкино. Отец пообещал, и к нам приехала Анечка. Ей тогда было лет двадцать. Приспособиться к столичной жизни она долгое время никак не могла, а поскольку никакой специальности у нее не было, то как-то само собой получилось, что она осталась у нас вроде бы за кухарку. Нет, ты не думай, никто ее прислугой не считал. Она стала членом нашей семьи. А я вообще долгое время был уверен, что у меня две мамы. Одна строгая и серьезная – это известная тебе Евстолия Васильевна, а другая – веселая добрячка Анечка.

– И что же, она так у вас все время и прожила? Даже замуж не вышла?

– Она вроде бы выходила и даже уезжала в свое Мышкино, а потом почему-то опять вернулась, но все это происходило тогда, когда я был слишком мал, и потому ничего не помню. Собственно говоря, перипетиями личной жизни Анечки я никогда не интересовался. В детстве мне было достаточно того, что она любила меня, а я – ее. Когда повзрослел – спрашивать стало как-то неловко, а теперь уж история ее замужества вообще быльем поросла. Анечка всю жизнь с нами рядом. Эту квартиру ей купил отец. Она ее, видишь, и обставила по своему вкусу, и вещи личные тут держит... фотографии вот... письма, но живет большей частью у нас.

Егоров взглянул на часы и присвистнул:

– Ну ничего себе! Уже пятый час! А ну давай быстро!

Они кое-как покидали фотографии и письма в коробку, затолкали ее обратно на верхнюю полку шкафа и начали весело и бестолково собираться в ресторан.

* * *

Интерьер ресторана «Дельфин» был выдержан в сине-голубых тонах, которые дизайнеры, видимо, одни только и считали морскими. Даже стеклянная посуда отливала синим и голубым. С каждого предмета нагло ухмылялся тот самый дельфин, который дал название ресторану. Все в этом заведении вызывало у Риммы раздражение, недоверие и почему-то казалось подозрительным. И дельфин был каким-то мультяшным, и сине-голубого цвета – явный перебор, и именинник – чересчур приторный мужчина. Он долго слюнявил Риммину руку и рассыпался в таких вычурных комплиментах, будто она выглядела отвратительно и он очень старается, чтобы другие этого не заметили.

Римма специально бросила оценивающий взгляд в зеркало, которое тоже отливало голубым. Нет же! Она сегодня необыкновенно хороша и сама удивлена, как гибко ее тело под черным облегающим платьем, как золотятся волосы! А лицо... Может быть, этого Аркадия испугало ее лицо? У нее оно сегодня особенное... Не лицо, а олицетворенная любовь...

Римма бросила взгляд на своего спутника. Как она могла раньше думать, что у него ординарная внешность? У Юры такой благородный вид, даже, пожалуй, аристократический. Как ловко сидит на нем замшевый пиджак! А рубашка в тон светло-карим глазам! И взгляд... Какой у него взгляд! Она с ума сходит, когда он на нее смотрит... Неужели он когда-то так же смотрел на свою жену и на... других женщин, которых старуха Евстолия ему приписывает? Да нет же! Не было у него никаких других! А жену, пожалуй, можно и простить, потому что у нее, Риммы, ведь тоже был муж и она, между прочим, его любила...

Римма тряхнула завитыми золотыми кудрями, отгоняя ненужные воспоминания, и попыталась вникнуть в пространный тост, который с большим пафосом произносил еще один Юрин друг. Вникнуть никак не удавалось, потому что именинник Аркадий слишком сладко щурился и сквозь свои полуприкрытые веки явно следил за ней. Римме было неудобно и как-то липко. Неужели он не понимает, что ей нет никакого дела до его взглядов? Они, конечно, как и брань, на ворота не виснут, но все-таки неприятны. Впрочем, у нее теперь есть защитник и от взглядов, и... от всего остального. Егоров, будто почувствовав, что она о нем думает, накрыл ее руку своей ладонью, и это не укрылось от Аркадия. Его веки сомкнулись, а потом вдруг так неожиданно распахнулись, что Римма вздрогнула, не успев отвести от него взгляд. Он непременно что-нибудь такое подумает... Странно, почему он без женщины на собственном дне рождения... Неужели не женат? Опасный тип...

Потом тосты произносили другие приглашенные. Говорил так же и Юра, отмечая выдающиеся деловые качества Аркадия, а Римме почему-то думалось о том, что этот деловой человек как-нибудь непременно подложит Егорову хорошую свинью.

Когда выпренные речи приглашенных закончились, а количество закусок поубавилось, именинник предложил гостям перед горячим расслабиться, потанцевать и первым подошел к Римме. Ей очень не хотелось уходить от Егорова и, в соответствии с современными танцевальными нормами, чуть ли не обниматься с Аркадием на виду у почтенной публики, но Юра сам подтолкнул ее к другу.

– Вы давно знакомы с Юркой? – спросил Аркадий, тесно прижимая ее к своему сильному, несколько полноватому торсу.

– Давно, – односложно ответила Римма, изо всех сил, но безуспешно пытаясь отстраниться. Она сказала правду и неправду одновременно. Они действительно много лет проработали с Егоровым бок о бок, но по-настоящему были близки месяц с небольшим.

Аркадий склонился к ее уху, бесцеремонно отвел в сторону волосы и томно прошептал:

– Почему же он так долго скрывал от своих лучших друзей такое сокровище?

– Спросите у него, – просипела Римма, только чтобы хоть что-нибудь сказать.

– Непременно, – заверил ее именинник и запечатлел прямо в ухо очередной слюнявый поцелуй.

Она обеспокоенно обернулась к Егорову, но он ничего не видел, потому что беседовал с теми, кто остался за столом. Римме не хотелось портить вечер, но суетливые руки Аркадия так непристойно шарили по ее спине, что она уже собралась залепить ему хорошую оплеуху, но музыка наконец закончилась.

– Я хочу танцевать только с тобой, – сказала она Юрию, прижавшись к его плечу и пытаясь уgomонить тревожно бьющееся сердце.

– Конечно, – с улыбкой ответил он и повел ее к танцующим.

Римме пришлось потанцевать еще с несколькими Юриными друзьями, которые, кроме дежурных комплиментов, ничего лишнего себе не позволили. Она уже совсем было успокоилась, когда к ней опять направился Аркадий. Одновременно с ним к Римме подошел весьма приятный, чуть седоватый брюнет из-за соседнего столика. Разумеется, она выбрала брюнета. Он тоже отпустил несколько восторженных реплик по поводу ее золотых волос и про-

никновенных глаз. Он даже предложил встретиться за пределами ресторана, но на Риммин решительный отказ среагировал достойно и навязываться не стал.

А потом с Риммой что-то случилось. Ресторан почему-то поплыл перед ее глазами. Она и пила-то немного, но и этого оказалось слишком. Последнее время она находилась в возвышенно-чувственном состоянии, когда до предела обострено восприятие мира. Ее организм перестроился. Она сделалась чересчур открытой и уязвимой для посторонних воздействий. Ей вообще не следовало приходиться на этот день рождения и тем более не надо было пить, но она об этом не знала.

Лица сидящих с Риммой за одним столом начали деформироваться и вытягиваться в разных направлениях. Это было бы смешно, если бы не было так страшно. Она делала вид, что с ней все в порядке, и даже отвечала на чьи-то вопросы, и танцевала со всеми, кто ее приглашал, но чаще всего почему-то с дельфином. С наглым, развязным и скользким синим дельфином. Юра куда-то исчез, и дельфин лез холодными лапами ей за декольте, и приходилось взвизгивать, потому что было противно, а потом она даже швырнула в него фужером, потому что сколько же можно... Она пыталась докричаться до Егорова, но он почему-то не отзывался. Римма поняла, что уезжать из ресторана придется одной. И она уехала бы, если бы что-то не произошло с ее ушами, которые вдруг забило вязкой ватой. И с глазами, перед которыми бешено вращались разноцветные круги.

* * *

– Анечка! Кто там? С кем ты разговариваешь? – недовольно крикнула Евстолия, приподнимаясь с подушек и вглядываясь в закрытую дверь. – Юра пришел?

В дверях показалась голова, украшенная седой косой.

– Это не Юра, Евстолия Васильна, это ко мне, – проговорила Анечка, виновато улыбаясь.

– Тогда нечего так орать!

– Мы не будем, Евстолия Васильна. Мы сейчас пройдем в кухню, чтобы вас не беспокоить.

– Уже побеспокоили! – сердито буркнула старуха и тяжело откинулась на подушки.

Интересно, кто к Анне пришел? Сроду никто не приходил, а тут вдруг явился и сразу разорался. Вроде бы мужской голос. Неужели кавалера себе завела? Смешно это, на старости лет... Хотя... почему бы Анечке и не завести себе наконец кавалера, какого-нибудь бравого мужичка тоже под шестьдесят? Разве для мужчин это возраст? Юра давно живет самостоятельно, а она, инвалидка, Анечке теперь вообще не указ. Та вполне может поселить своего ухажера в дальней комнате напротив кухни. Разве Евстолия может этому воспротивиться, если ей и с постели-то не встать!

Совершенно непонятно, почему они опять так громко разговаривают. Что за манеры? Сколько она Анечку учит, а та все равно остается деревенщина деревенщиной...

Евстолия как раз расположилась среди своих подушек со всем возможным комфортом и решила перечитать что-нибудь из Тургенева, когда дверь распахнулась и в ее комнату вошел седоватый, высокий и плотный мужчина, действительно лет под шестьдесят. В первый момент она даже вздрогнула от неожиданности, потому что ей показалось, будто это сам Николай Витальевич, покойный муж, заглянул к ней с того света. Через пару минут стало ясно, что это не он, поскольку, во-первых, и быть такого не могло, а во-вторых, ее муж выглядел более солидно и интеллигентно. На плече мужчины зачем-то висла Анечка и как заведенная повторяла: «Ну, не надо, не надо, не надо...»

– Добрый вечер, – вроде бы вежливо поприветствовал Евстолию вошедший, но она видела, что эта вежливость далась ему невероятными усилиями. Он отбросил от себя

Анечку, которая еще раз жалобно пискнула: «Не надо...» и затихла, приложив обе ладошки ко все еще розовым щекам.

– Неужели не узнаете? – спросил мужчина, очень знакомо качнул головой, и Евстолия тут же его узнала.

– Никита?! – вскрикнула она и так дернулась, что одна из подушек свалилась на пол.

– Он самый, – улыбнулся Никита, сын ее мужа от первого брака, поднял подушку, небрежно бросил ее прямо на живот мачехе и уселся в кресло напротив кровати.

– Как поживаете? – усмехнулся он.

В его голосе не было вопроса, и Евстолия вся подобралась в ожидании чего-нибудь очень неприятного, поскольку приятного от пасынка она не видела никогда. Рассказывать о своем житье-бытье она ему не собиралась, а потому промолчала.

Никите ее рассказ и не был нужен. Он окинул хищным взглядом застекленные шкафы с книгами и сказал:

– Я пришел за своим.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду папочкину коллекцию книг и альбомов по древнерусской живописи.

– Зачем она тебе? – сдерживая подступающую к горлу ярость, очень спокойно спросила Евстолия.

– Я нашел на нее покупателя, – ответил Никита и гадко улыбнулся.

– Но зачем ее продавать? С течением времени она только ценнее становится!

– А затем, что мне нужны деньги! – рявкнул Никита, и Анечка, прижавшаяся спиной к одному из книжных шкафов, вздрогнула. Стекло дверцы издало короткий гулкий звук.

– Ты не можешь продать коллекцию Николая Витальевича, потому что она тебе не принадлежит. Ты же не собираешься совершить уголовное преступление? – сказала Евстолия и саркастически улыбнулась.

Все многочисленные морщины ее лица опять перестроились в лучи, разбегающиеся ото рта и глаз, усугубив выражение сарказма, что, разумеется, не могло понравиться Никите. Он подался к мачехе всем телом и, неприятно оскалившись, с угрозой в голосе произнес:

– А вы перепишите на меня книги отца, и дело с концом!

– Коллекция не моя... Николай Витальевич давно подарил ее Юрию... Он юридический владелец...

Евстолии не хотелось упоминать Юру, но выбора не было. Никита довольно улыбнулся и, нагло хохотнув, спросил:

– А вы случаем не забыли, чей он сын?

– Он мой сын!! – крикнула Евстолия, дрогнув бесцветными губами. – Я его вырастила! А ты тут сбоку припека! Юра за всю свою жизнь видел тебя раза два от силы! Кому ты нужен!

– А вот чтобы со мной лишний раз не встречаться, пусть и передаст право на владение коллекцией мне! И не только на книги по русской живописи! Тот человек, о котором я говорил, возможно, потом купит и все остальное!

– Никита! Побойся бога! Твой отец собирал эту коллекцию всю жизнь! Зачем же ее разбазаривать?!

– Я уже говорил, что мне нужны деньги! И срочно нужны! Поэтому оставьте свои сантименты при себе!

– При чем тут сантименты? Ты подумал, у кого собираешься отобрать ценное имущество?! Я тебе этого не позволю!!

Последние слова вырвались у Евстолии каким-то жалким скрежетом. Она натужно закашлялась, а Никита расхохотался:

– Да разве вы можете мне не позволить, дорогая Евстолия Васильна! Мало того, что из постельки-то не выпрыгнуть, так вы еще и Юрке – никто и ничто!

– Я мать, – прошептала Евстолия, – так и в его свидетельстве о рождении написано...

– Нашлась мамаша! Да если мне будет надо, я добьюсь медицинской экспертизы, и Юрка получит официальные доказательства того, кто его настоящая мать! И вообще, давно уже пора сказать ему, кто есть кто! А то уж больно много о себе воображаете, Евстолия Васильна! Мумия вы наша! Нефертити... пересохла!

Евстолия в ужасе смотрела на Никиту. Неужели он сможет это сделать? Она считала Юру своей собственностью и совершенно выбросила из головы, что не приходится ему матерью. И все равно он ее сын, ее!!! Ей кажется, что она даже помнит родовые муки! А ведь его родители могли давно вынашивать мысль о том, чтобы наконец открыться Юрию, и вот теперь Никита... Но отказаться от сына для Евстолии все равно что с живой содрать кожу! И она не откажется! Она непременно что-нибудь придумает! И они не посмеют...

* * *

Римма с трудом открыла глаза. Виски ломило, и очень хотелось пить. Она тяжело поднялась и огляделась. Где она? Судя по георгинам на занавесках, по-прежнему в квартире Анечки. Почему же так болит голова? Если она сейчас же не выпьет хотя бы глоток воды, у нее во рту все растрескается.

– Юра... – хрипло позвала Римма.

Тут же над ней склонилось его лицо.

– Ну, наконец-то, очнулась, – сказал Егоров, как-то незнакомо улыбнувшись.

– Что со мной? – встревоженно спросила она.

– Ты вчера чересчур много выпила.

– Я? Много выпила? – удивилась Римма. – Зачем?

– Ну... не знаю... Возможно, захотела расслабиться по полной программе.

– По полной программе... Что значит «по полной программе»?

– Я же сказал, ты много выпила.

– Я вообще-то много не пью...

– Да? – спросил Егоров, и Римма сразу поняла, что он в этом сильно сомневается.

– Да... Мы же вместе бывали на вечеринках, которые сейчас называют корпоративными...

– И что?

– И то! Разве ты когда-нибудь видел меня в... ну... нетрезвом виде? – спросила Римма и поморщилась. Две длинные фразы дались ей с трудом.

– Я не обращал внимания...

– Если бы я изменила свое обычное поведение, ты ведь обратил бы на это внимание?

– Возможно.

– Что значит – возможно?! – выкрикнула Римма и села на постели, стараясь не сосредотачиваться на пульсирующей в висках и затылке боли. – Ты что, считаешь меня тайной алкоголичкой?

– Нет, но... – замялся Егоров.

– Что значит «но»?! Договаривай, Юра!

– Видишь ли, врач сказал...

– Врач? Здесь был врач?!

– Да... Пришлось обратиться к врачу... Так вот, он сказал, что, судя по твоему состоянию, ты принимаешь алкоголь довольно давно...

– Как давно?

– Он сказал, что больше года точно...

Римма тряхнула головой, тут же пожалела об этом, поскольку боль ручейками разлилась от висков и затылка по всей голове, и уточнила:

– Я не про то спросила... С чего он вдруг решил, что я... давно пью?

– Я же сказал, он судил по твоему состоянию, – уже с нотками раздражения в голосе ответил Егоров.

– И ты ему поверил?

– Мне не хотелось бы верить, но, во-первых, ты была совершенно невменяемой...

– В смысле?

– В смысле – не держалась на ногах. А до тех пор, пока держалась, лезла к мужчинам прямо на танцполе ресторана.

– Лезла? К мужчинам? Как это? – прошептала Римма, потому что пересохшими губами уже очень трудно было говорить. – Дай воды... Пожалуйста...

Егоров протянул ей бутылку минералки, и она выпила сразу половину. Переведя дух, Римма спросила:

– А во-вторых?

– То есть?

– Ну... ты сказал, что, во-первых, я... ко всем... лезла... А во-вторых?

– А во-вторых, твой однокурсник поведал мне, что ты всегда отличалась невоздержанностью в употреблении алкогольных напитков.

– Однокурсник? – совершенно растерялась Римма. – Какой еще однокурсник?

– Он представился Георгием Геворкяном, Жорой. Знаешь такого?

Еще бы Римме его не знать. Она действительно училась с Геворкяном в институте. На их курсе он был единственным армянином, очень красивым, жгучим и любвеобильным. Но с какой стати Жорику на нее наговаривать? И вообще, где Юра с ним познакомился? И сколько же времени она находилась в отключке?

– Я знаю Жору Геворкяна очень хорошо, потому что действительно с ним училась, – четко сказала Римма, чтобы Егоров не подумал, будто она до сих пор плохо соображает. Она приложила ко лбу холодный бок бутылки и спросила: – А вот ты где с ним познакомился?

– Мы познакомились в ресторане. Он тебя узнал и... В общем, только с его помощью мне удалось затолкать тебя в такси.

– Но... Жора почти сразу после выпуска уехал в Штаты, чтобы никогда сюда не возвращаться!

– Он сказал, что прилетел на несколько дней и как раз свой прилет отмечал с другом в ресторане.

Римма задумалась. С одной стороны, все вроде бы сходилось. С другой – не сходилось ничего. Она никогда много не пила. Она пила мало и только вино. Она и в «Дельфине» не пила ничего, кроме шампанского и какого-то «Муската». И Жорика она в ресторане не видела. Римма так и сказала:

– Я не видела Геворкяна в ресторане.

Егоров неприятно, потому что очень уж трагично, вздохнул и сказал:

– Ты даже с ним танцевала и...

– И что?

– И... словом, вела себя неприлично... Мне даже пришлось перед ним за тебя извиниться, а он сказал, что ты не меняешься...

– Не меняюсь?

– Не меняешься, – подтвердил Егоров и отпил от второй бутылки минералки, которая, словно у фокусника, оказалась вдруг у него в руках.

Римма допила свою бутылку и как можно саркастичнее спросила:

– И что же теперь, когда ты «все про меня знаешь»?

Он пожал плечами, никакого сарказма в ее голосе не заметив, и предложил:

– Может быть, тебе полечиться, а, Римма?

– Да... наверно, мне надо лечиться... – задумчиво сказала она и с трудом поднялась с постели.

– Нет-нет! – замахал руками Егоров. – Ты лежи! Надо же прийти в себя!

– А когда приду, тогда что?

– Не знаю, – честно ответил он.

– Понятно, – отозвалась Римма, взяла у него из рук бутылку, сделала из нее еще несколько хороших глотков и сказала: – Я уже дома, Юра, то есть в себе. В общем, пойду, пожалуй...

Егоров ничего не ответил, и она поняла, что задерживать ее он не станет. На столе, который Анечка застелила черной скатертью с ткаными золотыми цветами, стоял подарочный пакет, будто со специально распахнутым зевом, чтобы в него сподручнее было укладывать вещи. Римма хотела сложить в этот пакет мешающиеся Анечкины вещички, типа расчесок, шарфиков и носовых платков, а теперь в беспорядке побросала туда собственные, что лежали рядом на столе: тюбик тонального крема, зеркальце и книгу, которую последнее время читала. Это было совершенно не то, что следовало бы забрать из квартиры Егорова, но она посчитала за лучшее не задерживаться там, где в ней больше нет нужды.

* * *

Сотрудники Риммино отдела не сразу, конечно, но все-таки привыкли к тому, что жаркому роману между начальником и Брянцевой пришел конец и не стоит больше совать ей служебные записки и заявления: все равно не понесет Егорову на подпись. Мариванна Погорельцева утверждала, что нечеловеческая страсть, которую демонстрировали окружающим Юрий Николаевич и Римма, сразу указывала на то, что браку между ними не бывать. Что есть брак? Брак есть быт и будни, о которые, как замечено еще классиком отечественной литературы, разбиваются любовные лодки. А когда у такой лодки еще и столь сомнительный парус, как все та же нечеловеческая страсть, она, конечно, заплывает далеко, но зато оттуда очень тяжело возвращаться, разве что вплавь и отдельно друг от друга.

Римма пыталась утешать себя сомнительными сентенциями типа: «Хорошо, что это у меня все-таки было, потому что могло бы и не быть» и «Никогда не стоит выбиваться из общей массы и покупать электрощетку, если можно купить ежедневник». Это она бубнила себе под нос, находясь на работе под началом Егорова. Почему-то ей даже в голову не пришло уволиться и начать новую жизнь с другим начальником. Она только теперь наконец поняла, почему они с Юрием Николаевичем до этой пресловутой щетки не замечали друг друга. На работе они практически не пересекались. В отгулы и увольнительные, на бланках которых Егоров должен был расписываться, Римма не ходила, потому что у нее не текли краны, не засорялся унитаз, не болели дети (по причине отсутствия таковых), да и на здоровье она пока не жаловалась. Свои отчеты она передавала начальнику группы Горобцу. Горобец же ей их и возвращал с резолюцией Егорова. После Восьмого марта общих застолий не предполагалось до самого Дня Победы и следующего прямо за ним юбилея все того же Горобца. Таким образом, Римма могла по несколько дней подряд вообще не видеться с Юрием, стол которого был отгорожен от рабочих мест остальных сотрудников шкафом для папок с бумагами. В общем, Римма Брянцева приняла свою отставку у Егорова как должное, поскольку, как и Мариванна, считала, что такое сумасшедшее счастье не могло долго длиться. Порадовала ее судьба, ну и спасибо ей за это.

Вечерами Римме, конечно, было тоскливо и хотелось плакать, но она не позволяла себе расслабляться и вспоминать. Она научилась абстрагироваться от выматывающих душу вос-

поминаний еще тогда, когда развелась с мужем. И, будто в насмешку, именно сейчас бывший муж вдруг опять появился на ее горизонте. Он практически вытащил ее из маршрутки, внутрь которой она собралась залезть, чтобы ехать с работы домой.

– Гарик? – удивилась она. – Какими судьбами?

– Я ждал тебя, – улыбнулся он.

– Ждал? Зачем? – еще больше удивилась Римма. – У тебя что-то случилось?

– Пожалуй... Только давай куда-нибудь пройдем!

– Куда?

– Ну... хотя бы... вон в «Плюшку». Кофе попьем, а?

Римма хотела было отказаться, поскольку незачем беречь старые раны, когда новые кровоточат, но заметила, что, прислонившись спиной к своей «Ауди», за ней с Гариком наблюдает Егоров. Пришлось тут же перестроиться. Римма взяла бывшего мужа под руку, и они бодро, нога в ногу, зашагали к «Плюшке». Пусть гражданин начальник видит, что она вовсе не упала духом после того, как он ее практически выставил вон, и что у нее в поклонниках очень даже интересные мужчины. Римма с трудом заставила себя не оборачиваться. Только тогда, когда за ними закрылась зеркальная дверь кафе, она посмотрела сквозь ее стекло на улицу. «Ауди» Егорова на стоянке уже не было.

– И что же у тебя случилось? – спросила Римма и укусила за румяный теплый бочок огромную плюшку, обильно посыпанную пудрой.

Гарик опустил вниз свои темно-карие глаза и помешал ложечкой в чашке. Римма подсунула ему свой пакетик с сахаром, так как вспомнила, что бывший муж любит очень сладкий кофе. Гарик благодарно кивнул, надорвал пакетик, высыпал в чашку сахар и принялся тщательно его размешивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.